
Часть

Соло

— Константин Петрович, — начала секретарша.

— Марина, все завтра, я уже опаздываю.

— Я только хотела передать мои поздравления Петру Николаевичу.

— Непременно! — улыбнулся шеф. — Все, меня нет!

Отец ненавидит непунктуальность, и опаздывать к нему, тем более в день рождения, нельзя.

День рождения отца, которому сегодня стукнуло шестьдесят шесть, они давно уже праздновали вдвоем. Мама умерла десять лет назад, а ее родню отец не жаловал. Как, впрочем, и сам Константин Петрович. Они оба любили в этот день посидеть в хорошем ресторане, никуда не торопясь. С отцом можно говорить обо всем, можно спросить совета практически по любому вопросу.

Он подъехал к ресторану на такси за две минуты до назначенного времени. И поздравил себя с этим. По крайней мере выговора не будет.

— О, Костя! — Отец стоял возле гардероба, приглаживая густые не по возрасту волосы.

Они обнялись.

— Что это у тебя в коробке? — любопытствовал отец.

— Подарок, папа.

— Что за подарок?

— Пошли сядем, там и посмотришь.

Из недавней поездки в Лондон он привез отцу роскошный шерстяной халат. Отец любил такие вещи.

«А он еще хорош, — подумал Константин Петрович. — Как говорится, мужчина хоть куда».

Отец и в самом деле обрадовался подарку.

— Спасибо, сын. Выглядишь усталым.

— Да мотаюсь, папа. А ты цветешь!

— Потому что не мотаюсь, а просто работаю.

— Папа, своя фирма — это...

— Понимаю, накладывает определенные обязательства. Ну, рассказывай.

— Знаешь, пап, как-то нечего рассказывать. Текучка.

— А как твоя красотуля?

— Которая?

— Даже так? Ну, такая роскошная блонда, с ногами от ушей?

— Ох, папа, редкая сука.

ПРОЩАЙТЕ, КОЛИБРИ, ХОЧУ К ВОРОБЬЯМ!

— Костя, разве можно так о даме?

— Знаешь, что эта падла сделала?

— И что же? — иронически вздернув бровь, осведомился Петр Николаевич.

— Я должен был улететь в Гонконг, это была чрезвычайно, подчеркиваю, чрезвычайно важная поездка. И эта лява прекрасно все знала. Вдруг она звонит мне в день отлета и, что называется кровь из носу, требует встречи. И назначает эту встречу в кафе, где мы частенько бывали, аккурат за два часа до отъезда в аэропорт. Ну, я подумал, это даже неплохо, взял чемодан и сажу, жду ее. Является, вся такая красивая, нежная, и вдруг говорит: «Костя, я выхожу замуж!» Ну что ж, вольному воля, отвечаю. «Ты на мне не женишься, а мне нужна семья...»

— В принципе девушка не так уж не права, — заметил отец.

— погоди! Я спрашиваю, за кого. «А тебе не все равно? Мне надоело быть просто любовницей» Ну что ж, говорю, как угодно даме. Она, видимо, ждала какой-то другой реакции и разозлилась. А я спрашиваю: «Ты и вправду замуж выходишь, или это попытка шантажа?» Она вспыхнула и протянула мне руку, а на руке браслетка с бриллиантами. «Вот! Это подарок жениха!» — «Поздравляю, это ведь именно то, к чему ты всегда стреми-

лась?» — «Ты никогда меня не любил!» — «А я разве когда-нибудь клялся в любви?» Она как зашипит: «Ты гнусный циник! Холодный и подлый!» Вскочила и убежала.

— Ну, нормально. Хотя ты и вел себя все-таки по-хамски, сын!

— Это, папа, еще не все! Она убежала, а ко мне подходит охранник кафе с большой сумкой. Мол, вам просили передать. А из сумки мяуканье! Можешь себе представить, она притащила в кафе Пафнутия! И что мне с ним, спрашивается, делать? У меня самолет в Гонконг, а я остался с котом на руках.

— Привез бы ко мне.

— Времени уже ни на что не было. Вот подлая баба!

— И как же ты вышел из положения?

— Стал умолять официантку подержать его у себя неделю, а она комнату снимает, и хозяйка не потерпит... Но иногда случаются чудеса. Вдруг ко мне подходит женщина и предлагает взять Пафнутия.

— Ты отдал?

— А что мне оставалось? Отдал. Отвез до дома, связал ее с Сашей...

— Кто такой Саша?

— Это чудесный парень, торгует звериными кормами на Ленинградском рынке. Он мне корм

и все необходимое раз в неделю доставляет на дом и просто обожает моего Пафнутия. Даже повесил его фотку в своем магазинчике. Ну я попросил его снабдить Пафнутия кормом и уехал.

— Как интересно! А Пафнутий?

— Знаешь, он как-то сразу принял эту женщину. Пошел к ней на руки, песни пел...

— А что за женщина?

— Да ничего интересного. Лет под сорок, глаза какие-то затравленные, что ли... И квартира у нее странная. Почти пустая, только подушки на полу...

— А как хоть ее зовут?

— Женя. А больше ничего не знаю. Когда я вернулся за Пафнутием, она спросила, не соглашусь ли я оставить его у нее. Я, естественно, отказался.

— Да, история... И как же ты теперь будешь? Или новую красотулю завел?

— Да боже избави! Папа, мне уже сорок два.

— И что? Хочешь сказать, что уже импотент?

— Отнюдь! Но в дом я больше баб не пускаю. Я договорился с консьержкой, что она будет брать Пафнутия к себе, она живет в нашем дворе.

— Бедный кот! Может, лучше было оставить его той Жене?

— Папа, ты же знаешь, как я люблю Пафнутия. С какой стати?

ПРОЩАЙТЕ, КОЛИБРИ, ХОЧУ К ВОРОБЬЯМ!

— Ты страшный эгоист, мой мальчик. Если бы ты любил своего кота, то оставил бы его Жене. Навещал бы его, а там, глядишь, и понял бы, что женщина не обязательно гламурная киска. Меня вот ее поступок впечатлил. А кто она по профессии, ты хотя бы знаешь?

— Она как-то невнятно ответила на этот вопрос. Сказала, что недавно вернулась из Америки. А там... кажется, что-то связанное с музыкой, что ли. Я не запомнил.

— То есть вполне интеллигентная дама?

— Ну вроде...

— О, тогда это не твой кадр. Тебе нравятся безмозглые и хамоватые. Меня огорчает перспектива...

— Какая перспектива?

— Твоя. Ты стареешь, и твои безмозглые киски по закону жанра должны становиться все моложе, а поскольку ты парень не бедный, то недостатка в этих кисках у тебя не будет. Грустно, сын мой! В перспективе — жалкий мышиный жеребчик.

— Да ладно, папа, давай лучше поговорим о тебе.

— Давай! — засмеялся Петр Николаевич. — Да, кстати, мне подарили два билета в Большой зал на концерт Башмета. Пойдем?

— Когда?

— Завтра.

— А пошли! Сто лет не был в Большом зале. И Башмета люблю.

— Ты все-таки не безнадежен, Костик! Кстати, на концерте я хочу познакомить тебя с одной дамой...

— С твоей дамой?

— Да. И я намерен на ней жениться.

— Ух ты! Молодец!

— Надеюсь, ты не станешь возражать?

— Папа! О чем ты? Я как раз подумал, когда увидел тебя: а он еще хоть куда! А что за дама?

— Ей сорок восемь, она умна, красива и, кажется, любит твоего старика. Она искусствовед. Читает курс в Париже, одним словом, весьма достойная женщина и к тому же восхитительно готовит!

— А как ее зовут?

— Помнишь, «А эту зиму звали Анна»?

— Значит, Анна! И что, папа, будет свадьба?

— Не смей меня. Просто распишемся и полетим в Ниццу.

— Элегантно!

— Кстати, у нее тоже есть кот. Огромный рыжий мэйн-кун по кличке Штраус.

— Опа! А какой Штраус имелся в виду — Иоганн или Рихард? — засмеялся Константин.

— Я не интересовался. А ты вот завтра и спросишь.

— Папочка, я тобой горжусь! Давай выпьем за тебя. Я знаю, ты терпеть не можешь тосты, но сегодня один разок можно! И, знаешь, я никогда не ел таких вкусных цыплят табака. Прелесть просто!

— Молодец, сын! Сразу снизил пафос! У тебя все-таки есть вкус. Если речь не идет о женщинах.

Иногда ранним утром, спросонья, мне чудится, что за окном шумит океан. Но тут же я вспоминаю, что это вовсе не океан, а Москва. И когда вижу свою практически пустую квартиру, где ни одна вещь ни о чем мне не напоминает, у меня становится хорошо на душе. Я освободилась! Поначалу думала отправить кое-что из вещей пароходом, но потом решила — ну их! С нуля так с нуля! Единственное, что я привезла с собой, — это документы и ноутбук. Даже тряпок не взяла, только то, что на мне, и смену белья. Я летела из Сан-Франциско через Франкфурт, где остановилась на два дня у подружки, с которой еще училась в консерватории. Там я накупила два чемодана одежды на разные случаи жизни. Два дня мы с Лизой, высунув язык, носились по Цайлю — она живет неподалеку. Цайль — самая торговая улица Франкфурта. И те-